

## РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМЕ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ

РУБЕН НАГДЯН

*Для тех типов философии, которые можно назвать поэтическими “пойетическими”, в центре философского понимания действительности стоит Poiesis, созидание. Способы созидания в этом типе философии могут быть двойными: рождение и изготовление, generatio и factio. Стихотворчество, или поэзия, в “пойетической” философии есть высшая форма пойесис<sup>1</sup>.*

Как говорят, всему свое время. Завершено чтение книги профессора В. М. Мазилова «Стены и мосты: методология психологической науки». Первое впечатление – ощущение свежести. Хотя большинство статей, включенных в книгу, написаны в течение последних 20 лет, но проблемы, обсуждаемые в них, не зависят от времени, вечные и волнующие. Одним словом, хочется сказать – красиво, потому что это не только научная работа со своими абстракциями и обобщениями. Красиво, потому что написанное – «пойетическая» работа, в которой сливаются поэзия текста, романтизм ученого и процесс созидания им научной «симфонии», где все должно быть строго и подчинено законам гармонии. Но эти законы в «пойетической» работе не исключают вариаций, необходимых реприз и изящных пассажей, образных метафор и свободных ассоциаций.

...Сначала было Слово, потом был создан мир... Научная работа начинается с методологической позиции исследователя, указывающей дорогу к величайшей тайне природы – психике. В работе она сформулирована очень четко. «Наша позиция состоит в том, – пишет В. А. Мазилов, – что исследовать психическое можно по-разному, на разных уровнях. Исследование психофизики, к примеру, может не предполагать трансперсональной трактовки психического. Но для изучения каких-то иных вопросов это

---

<sup>1</sup> Козловски П. Философские эпопеи. Об универсальных синтезах метафизики, поэзии и мифологии в гегельянстве, гностицизме и романтизме // «Вопросы философии», 2000, № 4, с. 37.

просто необходимо. Поэтому бессмысленно спорить, какой из подходов более правильный. Необходимы все, но важно иметь общее понимание психического, в рамках которого нашлось бы место для этих различных уровней. Выработать это общее понимание должна методология психологии<sup>2</sup>. И так, цель работы – «выработать общее понимание психического». Но... сначала бывает мотив, потом возникает цель. Каков же мотив автора? Это беспокойство и размышления о судьбе психологической науки. А «судьба науки предопределяется пониманием предмета науки и ее метода»<sup>3</sup>. Поэтому нужна глубокая методологическая проработка проблемы психического. А приблизиться к цели можно разными путями, и одним из них является «пойетический»: сочетание поэтического, романтизма, метафор, символики, созидательного творчества и... «синхронистичности» (по К. Г. Юнгу). Мазиллов обращает внимание читателя на одну из примечательных черт «пойетической» работы, когда психика человека обнаруживает совершенно неожиданные совпадения сходных событий, спонтанная очередность появления которых в разных контекстах жизни недоступна нашему пониманию. В подтверждение этому автор приводит цитату из работы В. М. Аллахвердова: «Мы не умеем осознавать процесс создания создаваемого; то, что мы осознаем (мысли, чувства и пр.), всегда присутствует в нашем сознании уже в готовом виде. Человек способен дать себе отчет лишь в том, что именно он осознает, но не может объяснить переход от одних своих мыслей к другим»<sup>4</sup>. И далее в качестве доказательства Аллахвердов приводит слова Бальзака, Моцарта и Бродского. Однако уточним, что нам непонятно не только то, как человек от одной мысли переходит к другой, но даже то, как возникает сама мысль. Думаем, что этой цитатой передается сама суть психологического исследования, приближающего нас к великой тайне природы. Как исследовать процесс создания создаваемого, что из себя представляет этот процесс? Ведь всегда человек имеет дело с продуктом, с результатом этого процесса, присутствующим в нашем сознании «уже в готовом виде». Однако... сначала бывает процесс, потом возникает результат, но человек осознает только результат, подобно тому, как мы видим фрукт на дереве, но совершенно не замечаем процесс, приводящий к его созреванию. Если продолжить эту аналогию, то можно сказать, что психолог всегда имеет дело только с «фруктами» (образы, представления, мысли, чувства и пр.). А когда он хочет проникнуть в величайшую тайну природы – как возникают эти «фрукты», то, используя сами «фрукты», увы, он сделать это не сможет. Представьте себе биолога, который для понимания процесса, приводящего к созреванию плодов, имеет возможность исследовать только сами фрукты. Но как бы он ни изу-

<sup>2</sup> Мазиллов В. А. Стены и мосты: методология психологической науки. Ижевск, 2015, с. 12.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003, с. 18.

чал форму, цвет, запах, вкус и даже химический состав фруктов, все равно, имея только эти данные, он никогда не проникнет в тайну процесса, например, фотосинтеза, столь необходимого для появления плода. Для этого нужно выйти за пределы фрукта. Нужно знать, что исследовать и как это сделать, то есть опять мы пришли к проблеме предмета науки и ее метода. Эта главная тема научной «симфонии» автора затем всплывает в других местах работы, в неожиданных контекстах, напоминая явления синхронистичности, которые впервые в психологии были изучены К. Г. Юнгом.

Главная тема научного творчества В. А. Мазилова возникает и при анализе методологической позиции Юнга. Огромную заслугу Юнга автор видит в том, что тот не ограничивается констатацией факта непостижимости природы психического, «а ищет пути исследования того, что постичь можно, – психической реальности»<sup>5</sup>. В контексте анализа Мазилов указывает на вопрос, который часто возникает в современном науковедении: почему психологи, в отличие от представителей других дисциплин, так озабочены размышлениями о предмете собственной науки, «тогда как это вовсе не обязательно и в этих других дисциплинах... такими спекуляциями вовсе не занимаются?»<sup>6</sup>. Ответ Мазилова имеет большое значение для правильной постановки вопроса о предмете психологии: «Возразить в данном случае очень легко. В некоторых науках, в частности в психологии, предмет “двойной” – основу составляет базовое, фундаментальное представление о “психе” (впрочем, часто неосознаваемое исследователем, поэтому остающееся латентным, несмотря на, казалось бы, обязательную профессиональную рефлексию), а над ним располагается реальный предмет исследования. Вряд ли нужно специально пояснять, что это базовое представление о предмете (даже если природу его постичь нельзя) определяет очень многое в стратегии психологического исследования и, в частности, диапазоны возможных пространств психической реальности. Скажем, то, что в пределах одного понимания (парадигмы), безусловно, является психическим феноменом, достойным изучения, в другом представляется артефактом, случайностью, жульничеством, нелепостью и как бы не существует вовсе. Так вот, одна из многочисленных заслуг Юнга состоит в том, что он дал эскиз новой методологии исследования психического. Как уже говорилось выше, Юнгом был предложен иной метод — акаузальный, ампликативный, синтетический»<sup>7</sup>. Итак, повторим. Предмет психологии «двойной», причем основу составляет «базовое, фундаментальное представление о “психе”». Обсуждается ли эта двойственность психики, в особенности ее базовая составляющая, в психологической методологической литературе? Как это ни парадоксально, но ответ отрицательный: боль-

---

<sup>5</sup> Мазилов В. А. Указ. соч., с. 20.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же, с. 20-21.

шинство методологов предпочитают не обсуждать фундаментальную проблему двойственности психики. Лишь у отдельных психологов можно встретить краткие замечания по этому поводу. Так, например, А. И. Миракян говорит о «науке психики», имея в виду фундаментальную, непосредственно недоступную сознанию, часть психики, и «науке о психике» (или собственно «психологии»), изучающей проявления психических феноменов в «поверхностной» части психики<sup>8</sup>. Похожее разделение делает и В. И. Слободчиков (кстати, ссылаясь на А. И. Миракяна), различая «психологию психики» и «психологию человека»<sup>9</sup>. Обратим также внимание и на то, что Мазиллов говорит о «психе» в юнговском понимании как о недоступной сознанию исследователя (недифференцированной, целостной) психической реальности. Ни одна традиционная (классическая или неклассическая) психологическая теория не касается этого вопроса. Особо хотим отметить, что речь идет не об отдельных исследователях – они, конечно, есть и делают попытки заглянуть за пределы осознаваемого, туда, где существует базовая, фундаментальная часть психики. А речь идет о психологическом сообществе, которое остается равнодушным к подобным попыткам: они не отражены в учебниках по психологии, им не посвящаются конференции, отсутствуют методологические дискуссии для ответа на вопрос – что мешает психологам исследовать эту, неосознаваемую, часть психики, которая является причиной порождения психических феноменов? Самый глубокий и весомый с научной точки зрения ответ на этот вопрос был дан профессором Миракяном. Автор трансцендентальной психологии убедительно показал, что причиной, не позволяющей психологам исследовать глубинную порождающую часть психики, является продуктивный подход, которым определяется одна из неосознаваемых частей общечеловеческого метода познания. В чем суть продуктивного подхода? Если обратиться к метафоре фруктового дерева, то можно сказать: фруктом невозможно познать процесс созревания фрукта. Между тем психологи именно так и поступают. Если, например, необходимо изучить закономерности психического отражения величины предмета, то в качестве исходной данности для экспериментального и теоретического исследования берется сама уже отраженная величина предмета. Ясно, что такой подход не приведет к раскрытию величайшей тайны природы – единых принципов порождения не только величины предмета, но и всех других феноменов психического.

Тогда чем же занимаются психологи? что они изучают? Из идеи Мазилова о «двойной» структуре предмета психологии вытекает, что реальный предмет психологического исследования, то, что исследуют совре-

---

<sup>8</sup> См. **Миракян А. И.** Контуры трансцендентальной психологии. Т. 1. М., 1999.

<sup>9</sup> См. **Слободчиков В. И.** Антропологический статус современного психологического знания // «Известия Саратовского университета». Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2014, т. 3, вып. 3(11), с. 224-228.

менные психологи, расположен над базовой, фундаментальной частью психики («психе» по Юнгу), которая не осознается и остается латентной. Другими словами, научная психология изучает особенности проявлений психических феноменов и взаимоотношений между ними. А то, что порождает эти феномены, не только не исследуется, но и не обсуждается.

Что можно ожидать от изучения базовой, фундаментальной составляющей психики? Согласно Мазилову, это повлияет на определение стратегии психологического исследования и, в частности, на «диапазоны возможных пространств психической реальности»<sup>10</sup>. Действительно, нам известно множество разных психологических пространств: сенсорные, эмоциональные, мыслительные, смысловые, психосемантические и другие, но что нас ожидает в глубинах психического, какое пространство? Ведь это пространство, по нашему мнению, не должно быть ни сенсорным, ни эмоциональным, ни мыслительным и т.д., так как всё перечисленное относится к пространствам осознаваемого поверхностного слоя психики, верхушке айсберга, порожденного неизвестным нам пространством глубинной «психической» реальности. С другой стороны, как это показано в вышеупомянутых работах Миракяна, обращение к до-продуктной реальности позволяет выявить единые, универсальные принципы порождения психических феноменов всех модальностей (в широком смысле). Не вдаваясь в подробности этой уникальной концепции трансцендентальной психологии, отметим лишь, что одним из ее универсальных принципов порождения является принцип образования анизотропных отношений.

Однако вернемся к Юнгу и оценке Мазиловым его методологической позиции. Важность «возвращения» Юнга в Россию Мазилов видит в том, что «Карл Юнг является носителем одной из альтернативных методологий психологической науки»<sup>11</sup>. Значение этой альтернативной методологии в том, что она «позволяет работать в условиях “двойного” предмета психологии, осуществляя адекватные переходы внутри него, что создает возможность для реального изучения психического»<sup>12</sup>.

Хотим отметить, что Юнг был одним из основоположников не только трансперсональной психологии, но и совсем недавно возникшей квантовой психологии, которая также пока не вписывается в рамки академической психологии. Дружба Юнга с одним из основателей квантовой механики В. Паули, очевидно, способствовала выявлению сходных черт в поведении квантовых частиц и психики человека. Он писал: «Эта необычайная встреча атомной физики с психологией имеет для последней неопределимое преимущество, потому что она доносит до нас предчувствие возможности какой-то архимедовой точки для психологии. Ведь микрофизический мир

---

<sup>10</sup> Мазилов В. А. Указ. соч., с. 20.

<sup>11</sup> Там же, с. 24.

<sup>12</sup> Там же.

атома обнаруживает черты, чье родство с психическим бросается в глаза даже физика. Здесь выявляется, очевидно, по крайней мере в виде намека возможность “реконструкции” психического процесса в совершенно другой среде, а именно в среде микрофизики материала»<sup>13</sup>.

Таким образом, объединяются два класса явлений, считавшиеся несовместимыми противоположностями, – физические и психические, и в нашем представлении о Вселенной восстанавливается целостность и неразрывное единство всех существующих в ней явлений. Вероятно, наступит время, когда у психолога и физика будет один и тот же объект исследования, и понятие «психофизика», введенное в психологию в XIX веке Г. Фехнером, наконец-то приобретет свое естественное и истинное значение – как науки, исследующей психические проявления глубинных природных (физических) явлений.

Что же получается, когда появляются разные предметы психологии? Тогда возникают территории разнородных знаний и стены, их разделяющие. Есть стены, возведенные для разделения, а есть стены для защиты... Стены не понимания, не признания и разобщения... И тогда возникает необходимость наведения мостов между ними – нахождения точек соприкосновения. Метафоры Мазилова наглядно и точно описывают состояние современной психологии. С одной стороны, существование разных психологий, приводящее к методологическому плюрализму, с другой – запреты академической психологии на проникновение в психологию нетрадиционных и альтернативных направлений. В частности, подход Юнга к исследованию психического был далек от естественнонаучного, поэтому в советские времена он попал в разряд нетрадиционных и был чужд советской психологии. Однако можно привести примеры подобных запретов, относящихся и к нашему времени. В недавнем прошлом научная психология делала вид, что «никакой трансперсональной психологии попросту нет (или полагает про себя, во внутренней речи, что последняя, может быть, и есть, но представляет собой разновидность либо мистики, либо “паранауки”, а потому “высокая наука” для сохранения реноме должна держаться подальше)»<sup>14</sup>. То же самое можно сказать и о трансцендентальной психологии, которая появилась в России более тридцати лет назад, но академическая психология до сих пор никак не отреагировала на это событие, точно так же делая вид, будто никакой трансцендентальной психологии попросту нет. «И разобщенность между этими течениями, явная стена, мешающая интеграции, является фактором, негативно влияющим на развитие психологической науки в целом»<sup>15</sup>. С этим нельзя не согласиться. А в качестве временного средства для осуществления интеграции автор пред-

---

<sup>13</sup> Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 1998, с. 300.

<sup>14</sup> Мазиллов В. А. Указ. соч., с. 28.

<sup>15</sup> Там же, с. 29.

лагает «наведение мостов», которые бывают не только над реками, но и над стенами. «И название такого моста – виадук (via – путь, ducere – вести) представляется глубоко символичным»<sup>16</sup>.

О каких же мостах говорит Мазиллов? Известно, что мосты бывают разные. Они разные и в психологии.

Мосты нужны в самой психологии между разными направлениями и подходами, так как известно, что существует много теорий личности, памяти, мышления и т.д. И настало время понять, подчеркивает автор, что прошли те времена, когда можно было признавать одну теорию «правильной», а другую «неправильной», так как «ясно, что многообразие подходов это результат столкновения с чем-то действительно многоликим, единым»<sup>17</sup>.

Мазиллов считает также необходимым построение мостов между разными психологиями (донаучной, философской и собственно научной), между научной психологией и практической психологией.

Важнейшие виды мостов, приближающих психологию к ее целостной форме, – мосты между традиционной психологией и новыми альтернативными направлениями, и в качестве примера можно привести направления, продолжающие юнговские традиции. Этот вид мостов необходим также и для трансцендентальной психологии Миракяна, и для метафизического подхода к изучению принципов порождения психического, разрабатываемого нами<sup>18</sup>.

Мосты необходимы и между психологией и другими науками о психике, а также между психологией и другими научными дисциплинами. А для осуществления всего этого грандиозного «строительства» нужна, по замыслу Мазилова, специально предназначенная для этой цели коммуникативная методология.

Что же является предпосылкой для осуществления интеграции посредством «наведения мостов»? Автор предлагает следующее: «Мне кажется, академическая российская психология должна сделать первый шаг. И этот шаг должен состоять в критическом взгляде на собственный предмет. И в признании того, что, возможно, трактовка психического как отражения уже выполнила свою функцию, позволив раскрыть динамику психических процессов. Более нейтральная характеристика психического – скажем, как психической активности, позволяет найти точки соприкосновения, навести мосты между научной психологией и современными нетрадиционными направлениями в психологии (кстати, и различными психотехнологиями – от древних до новейших)»<sup>19</sup>. Данная методологическая пози-

---

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Там же, с. 36.

<sup>18</sup> См. **Нагдян Р. М.** Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности. Дисс. док. психол. наук. Ер., 2014.

<sup>19</sup> **Мазиллов В. А.** Указ. соч., с. 29.

ция, которая оформляется автором как коммуникативная методология, правильна и действительно непосредственно связана с новым определением предмета психологии. Весь вопрос в том: можно ли «создать» определение предмета психологии соответствующего объема? На что и указывает сам автор: «Необходимо широкое понимание предмета, позволяющее включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях»<sup>20</sup>. Однако мы полагаем, что возможна и иная постановка вопроса о предмете психологии: необходимо определить те природные принципы психе, которые заключали бы в себе возможность порождения психической реальности во всех ее проявлениях (на решение этого вопроса претендует трансцендентальная психология). И второй важный момент – как добиться, чтобы новый предмет психологии был определен не логически, тогда мы вновь окажемся в тупике, а онтологически. И, наконец, третье: чтобы предмет психологии определить онтологически, мы должны помнить о двойной структуре психики и создать методы теоретического изучения ее базовой, фундаментальной части.

На вопрос о том, как определить природные принципы, в которых заложены возможности порождения психической реальности во всех ее проявлениях, должна ответить новая методология (это один из основных тезисов Мазилова; «предмет психологии может быть определен с помощью новой методологии», с чем мы полностью согласны). О том, какой будет новая методология, можно предположить из слов классика психологии У. Джеймса: «Когда в психологии явится свой Галилей или Лавуазье, то это, наверное, будет величайший гений; можно надеяться, что настанет время, когда такой гений явится и в психологии, если только на основании прошлого науки можно делать догадки о ее будущем. Такой гений по необходимости будет “метафизиком”. А для того чтобы ускорить его появление, мы должны сознавать, какой мрак облекает область душевных явлений, и никогда не забывать, что принятые нами на веру положения, на которые опирается все естественноисторическое исследование психических явлений, имеют временное, условное значение и требуют критической проверки»<sup>21</sup>. К сказанному Джеймсом сделаем небольшое дополнение: метафизика в философском смысле уже сама по себе является методологией. На необходимость объединения психологии и философии указывает и поздний В. Вундт. Без метфизики, утверждает он, психология превратится в «ремесленничество». В своей книге Мазилов приводит очень интересную цитату из работы Вундта 1913 года, которая адресована в первую очередь психологам: «...более общие и наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они

---

<sup>20</sup> Там же, с. 54.

<sup>21</sup> Джеймс У. Психология. М., 1991, с. 361.

когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии»<sup>22</sup>. Хотим обратить внимание читателей, что и Джеймс и Вундт говорят не о философии в целом, а о ее конкретном разделе, центральной части – метафизике.

О необходимости обращения к метафизике при решении методологических проблем психологии говорили и мэтры российской психологии. Одна из попыток вновь обратиться к метафизике, чтобы вывести психологию из кризиса, была предпринята В. П. Зинченко. В своем выступлении на «круглом столе», организованном журналом «Вопросы философии» в 1993 году, Зинченко, характеризуя состояние психологической науки, оценил его не как кризисное (как это принято говорить), а как катастрофическое<sup>23</sup>. Согласно Зинченко, российская психологическая наука отклонилась от пути своего естественного развития, постоянно приспособляясь к жестким ограничениям марксистской идеологии. Выход из тупика он видел в переосмыслении и восстановлении культурного поля первых десятилетий XX века, для которого было реальностью «полифоническое и диалогическое сознание».

Чтобы пояснить свою мысль, Зинченко приводит пример, как идеи В. С. Соловьева о всеединстве человеческого знания, об Абсолюте оказали влияние на П. А. Флоренского, В. И. Вернадского, Д. Н. Узнадзе, А. Н. Серверцева и А. Г. Гуревича (соответственно о духосфере, ноосфере, биосфере, психике как факторе эволюции, биологическом поле). Кроме того, Зинченко указывает на влияние идей Флоренского об органопроекциях на представления А. А. Ухтомского, Н. А. Бернштейна и А. Н. Леонтьева о функциональных органах индивидуальности. Эти примеры научной предметности и взаимовлияний Зинченко характеризует как гармоничность многоголосного звучания, как особенность феномена культуры, научно-философского сознания ученых той эпохи. Однако для нас важно добавить к сказанному Зинченко, что идеи Соловьева и Флоренского о всеединстве человеческого знания, Абсолюте и органопроекциях – метафизические идеи, которые в современной психологии оцениваются как сомнительные, ненаучные, однобокие, одним словом, не достойные внимания. Но, как оказалось, именно метафизические идеи оказали большое

---

<sup>22</sup> Вундт В. Психология в борьбе за существование // «Новые идеи в философии». Сборник десятый: Методы психологии II. СПб., 1913, с. 117.

<sup>23</sup> См. Зинченко В. П. Кризис или катастрофа? // «Вопросы философии», 1993, № 5.

влияние на формирование некоторых сторон научного мышления авторитетов российской науки и, в частности, психологии того времени. Эта поразительная разница в образе мышления ученых начала XX века и настоящего времени объясняется просто: в настоящее время в психологии по известным причинам, указанным Зинченко, полностью утрачена традиция, точнее, культура метафизического мышления. Это привело к тому, что, несмотря на большое количество методологических и теоретических работ, психология считается естественной наукой лишь потому, что в ней всё начинается с экспериментально выявленного факта и заканчивается экспериментально доказуемым фактом (вслед за чем следуют методологические и теоретические обобщения). То есть ядром научно-психологического исследования становится позитивистский «принцип» – от эксперимента до эксперимента, – и выходить за эти рамки в область возможных, но эмпирически недоказуемых гипотез не положено.

Другая попытка изменить методологическую ситуацию в контексте отношения психологии к метафизике была предпринята А. В. Петровским и М. Г. Ярошевским<sup>24</sup>. Наиболее полное постижение и объяснение психической реальности, считают они, возможно, когда одновременно с метапсихологическими категориями будут выделены соответствующие им онтологические модели. «На этом пути, – пишут Петровский и Ярошевский, – открывается возможность рассмотреть теоретическую психологию как научную дисциплину, имеющую метафизический характер. При этом метафизика понимается здесь не в традиционном для марксизма смысле, трактовавшем ее в качестве противоположного диалектике философского метода (рассматривающего явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающего внутренние противоречия как источник развития)»<sup>25</sup>. То есть авторы считают необходимым для решения онтологических и концептуальных проблем теоретической психологии обращение к метафизическому способу теоретизирования. Относительно специфики выбора этого способа они пишут: «Между тем этот плоский подход к пониманию метафизики, игнорирующий ее реальное значение, уходящее корнями в учение Аристотеля, может и должен быть сменен обращением к идеям русского философа Владимира Соловьева»<sup>26</sup>. Таким образом, после почти векового игнорирования вновь при решении фундаментальных проблем психологии зазвучал призыв обратиться к культуре метафизического образа мышления и, более конкретно, к традициям русской метафизической мысли. Вопрос лишь в том, готово ли современное сообщество психологов поддержать этот призыв.

Необходимость обращения к метафизическим воззрениям Соловьева

---

<sup>24</sup> См. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.

<sup>25</sup> Там же, с. 31.

<sup>26</sup> Там же.

обусловлена их важнейшим значением «для осмысления объяснительного принципа построения категориального строя в теоретической психологии»<sup>27</sup>. Петровский и Ярошевский безусловно правы, указывая, что объяснительные принципы должны быть обнаружены в области метафизического знания при помощи метафизического способа рассуждений, однако, как мы думаем, до обращения к особенностям построения категориального строя в теоретической психологии необходимо особое внимание обратить на решение онтологических проблем психологии, которые также являются предметом исследований теоретической психологии. И тогда, во-первых, восстанавливается единство онтологического и гносеологического в отношениях между непосредственно не познаваемым и познаваемым, между скрытой сущностью и непосредственно данным явлением, линия демаркации между которыми будет меняться вместе с развитием психологии; во-вторых, станет необходимостью обращение не только к метафизическим воззрениям Соловьева и его последователей, но и ко всему богатству и разнообразию метафизических представлений в мировой науке.

Самая важная для нашего исследования мысль Петровского и Ярошевского заключается в том, что метафизика не чужда психологии как научной дисциплине и, более того, необходима для построения ее онтологических и концептуальных моделей, составляющих фундамент ее здания. Поэтому возникает вопрос: не пора ли призадуматься над словами выдающихся психологов о значении метафизики для психологии? Не пора ли разрушить стену между современной академической психологией и древней метафизикой? Видимо, действительно, настала пора для наведения мостов между психологией и метафизикой, что будет одной из форм реализации коммуникативной методологии Мазилова. Однако, чтобы мосты были надежными, психолог, по мнению Вундта, должен обладать «более или менее основательным философским образованием», чтобы с новых позиций взглянуть на метафизику и правильно оценить значение метафизического подхода для решения методологических проблем психологии.

Одно из негативных последствий «избавления» психологии от метафизики (в годы позитивизма) – то, что «психологи отказались от теоретических методов исследования собственного предмета, полагая, что он “раскроется” в процессе эмпирического исследования. Этого не произошло, да, собственно, и не могло произойти. Как в свое время остроумно заметил Огюст Конт, интроспекция, будучи деятельностью души, будет всегда находить душу, занятую интроспекцией»<sup>28</sup>. Конечно, теоретический метод исследования предмета психологии по важности не уступает эмпирическому, и, надо полагать, он более адекватен (в данном контексте необходимо добавить, что метафизический метод исследования также является

---

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Мазилов В. А. Указ. соч., с. 50.

теоретическим).

Современная психология стоит перед сложными методологическими проблемами. Но несмотря на сложности, для разрешения которых потребуются немалые интеллектуальные усилия и время, автор настроен оптимистически: «Стены вечны. Но иногда какая-то разрушается... Или разрушается в течение веков, под действием Вечных сил, или же рушится искусственно, направленно, целеустремленно. Пейзаж, возникающий при ломке стен, вовсе не идилличен, как это прекрасно показал в своем замечательном фильме Алан Паркер. Впрочем, во имя возможности познания временно с этим можно смириться... Тем более, что копий никто уже не держит, да и охрана давно разбежалась... И, может быть, в порядке исключения не «огораживать» разрушаемую стену забором, чтобы ненароком не возникла новая Стена... И представляется, что стены уже нет... И можно разгуливать и за стеной, и там, где она некогда была: walk up and down outside the wall»<sup>29</sup>.

Придет и это время, а пока, как говорит автор, движение вперед требует мостов.

Почему возникают Стены? Что мешает психологам исследовать психическое как нечто целостное? Об одной из причин Мазиллов говорит следующее: «Неудачи с метафизическим анализом психики привели к тому, что явления сознания стали рассматриваться как простые, из которых строится сознание (психика). Возникло очень удобное и простое представление, что психика состоит из кирпичиков. Они лежат в основании, из них возводится здание науки (основанной на опыте, эксперименте, свободной от всякой метафизики)»<sup>30</sup>. Оставаясь верным «пойетическому» жанру, автор использует метафоры «кирпичей» и «камня», совместное и сравнительное применение которых точно характеризует причины кризисного состояния современной психологической науки. «Кирпичи» созданы человеком, в природе их нет. «Кирпичи» используют для сооружения зданий. В психологии в качестве «кирпичиков» используют единицы анализа – образ, действие, ощущение и т.д., то, что есть в сознании уже в готовом виде. И, уже используя их как основной строительный материал, возводят здание вполне определенной психологии. Кажется удобно и просто. Тем более что это тот метод, который применяется в естественных науках. А «камень» в метафорическом контексте работы Мазиллова это само психическое, точнее, его базовая, фундаментальная часть, «психе», являющееся, как и «камень», порождением природы, частью природы.

...Итак, было много попыток построить здание психологической науки. «Конечно, было много споров о том, каковы размеры кирпичей, сколько видов используется в строительстве и т. д. Но одна идея, к сожалению,

---

<sup>29</sup> Pink Floyd. The Wall / Written by Roger Waters // Compact disc, 1994.

<sup>30</sup> Мазиллов В. А. Указ. соч., с. 43-44.

уцелела. Идея о том, что психическое просто по своей природе. По всей видимости, тому виной не только то, что научная психология в начале своего пути полагала, будто является непосредственной наукой. Отказ от изучения природы психического («камня») привел к тому, что проектировались и строились (в разных стилях) здания, но из кирпичиков. То ли краеугольного камня не было, то ли другие причины тому виной, но постройки редко поднимались выше первого этажа, быстро рушились, что дало основание известному психологу Н. Н. Ланге сравнить психологию рубежа XIX–XX веков с развалинами Трои... В психологии – а мы рассуждаем о психологии – уместно задать вопрос (разумеется, опять риторический) – а была ли Троя?»<sup>31</sup>. В риторической форме Мазиллов ставит самый важный вопрос психологии – изучалась ли сама психика (Троя), или психологи всегда имели дело с многообразием ее проявлений и строили здание психологии, используя именно эти проявления? К сожалению, необходимо констатировать, что психологи не вступали в Трою, не нашли тот краеугольный камень, который можно было положить в фундамент здания психологии. Правда, ради справедливости необходимо отметить, что одна такая серьезная попытка была предпринята в трансцендентальной психологии, поэтому автор настоящих строк считает, что усилия потраченные на то, чтобы увидеть «свою» Трою или психологию, основанную на непродуктном, афизикальном подходе (без использования «кирпичей»), вполне оправдают себя и дадут возможность оценить ее положительные и отрицательные стороны, а также ее отличие от традиционных психологий.

Итак, мы опять пришли к необходимости определения предмета, краеугольного камня психологии, того природного явления, которое дает начало появлению психических явлений. Выделим некоторые существенные стороны подхода Мазилова к определению предмета психологии. Мазиллов считает, «что вряд ли оправдано редуционистское сведение психе к ее конкретному проявлению»<sup>32</sup>. Действительно, психика не сводима ни к какой-либо одной психической функции, ни к их сумме. Признавая этот тезис, относящийся к определению предмета психологии, А. И. Миракян доказал более «сильное» утверждение, относящееся к методу определения предмета в современной психологии, названный продуктным подходом<sup>33</sup>. Коротко его можно сформулировать следующим образом: основываясь на конкретных проявлениях психического (которые являются предметом исследования) невозможно изучить порождающую их реальность (процесс порождения). А теперь вспомним, что предмет любого эмпирического исследования – то или иное проявление психики. Это означает, что, опираясь на данные эмпирического исследования или интроспекции, мы не сможем

---

<sup>31</sup> Там же.

<sup>32</sup> Там же, с. 51.

<sup>33</sup> См. **Миракян А. И.** Константность и полифункциональность восприятия. Диссерт. док. психол. наук. М., 1987.

понять природу психики, то есть предмет психологии. Поэтому мы согласны с мнением Мазилова о необходимости развития именно теоретических методов исследования вопроса о предмете психологии. Однако и в теоретических рассуждениях о предмете психологии необходимо проявлять определенную осторожность, чтобы в качестве исходных данных анализа не брать конкретные проявления психического, например, качества и свойства исследуемого объекта. Этому, однако, препятствует глубоко эмпирическое мышление человека, что необходимо преодолеть. В этих случаях, мы думаем, наиболее адекватными и эффективными окажутся метафизические рассуждения, но они не должны стать самоцелью. История развития наук о природе дает нам образец организации структуры научного знания: метафизика, опирающаяся на определенную картину мира, представленную в виде постулатов и предположений, теория, со своей специфической или региональной методологией, эксперимент (такова структура, например, физики как научного знания).

Приведенная схема хорошо согласуется с теоретическими рассуждениями автора книги о структуре предмета психологии: «Фундамент его составляет исходное, базовое понимание “психе”. Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная “рационализация”. Таким образом, происходит разделение предмета на декларируемый (“психе”), “рационализированный” и реальный»<sup>34</sup>. Приведем пояснения самого автора: «Декларированный предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии, в первую очередь потому, что неявно, но действительно определяет возможные диапазоны пространств психической реальности»<sup>35</sup>. Декларируемый предмет психологии (то есть ее базовая, фундаментальная часть) может быть определен на основе метафизических рассуждений о таком устройстве мира, в котором заложены возможности порождения психического. «Между декларируемым и “рационализированным” (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он (“рационализированный”) “оформляет”, фиксирует ту или иную трактовку “психе”»<sup>36</sup>. Рационализированный предмет может быть предметом психологической теории в виде «теории восприятия», «теории эмоций» или «теории памяти» и т.д., причем восприятие, эмоции, память «оформляются» как разновидности или проявления психики. «Реальный предмет – это то, что в действительности подлежит изучению (бесконечное число вариантов в системе “сознание/бессознательное – деятельность/поведение”)»<sup>37</sup>. То есть реальный предмет психологии – это предмет эмпирического исследования.

---

<sup>34</sup> Мазилов В. А. Указ. соч., с. 53.

<sup>35</sup> Там же.

<sup>36</sup> Там же.

<sup>37</sup> Там же.

В изложенной схеме мы опять встречаемся с «двойной» структурой психики, глубинная часть которой описывается метафизическими рассуждениями, а поверхностная – результатами эмпирического исследования (или их теоретическим осмыслением). Как уже выше отмечено, современная академическая психология не в состоянии изучать (декларируемую) базовую, фундаментальную часть психики по той причине, что эта реальность не дана непосредственно исследователю, а это делает невозможным применение соответствующего научного метода ее описания и, с другой стороны, игнорирует все попытки теоретического метафизического подхода к пониманию особенностей глубинной реальности. Таким образом, кризис современной научной психологии состоит в противоречии между декларируемым и реальным предметом психологии, первый из которых принципиально невозможно изучить методами научной психологии до тех пор, пока научная психология не расширит границы понимания «научности» и не включит в свои пределы метафизику как необходимую донаучную (а не антинаучную) часть науки. А для обеспечения союза метафизики и научной психологии, о котором говорили корифеи психологической науки, необходимо провести колоссальную теоретическую работу по определению предмета психологии, о чем не раз писал Мазиллов.

Идея о необходимости выработки Нового понимания психического звучит во многих методологических сочинениях Мазилова. Он уверен: «Это самая главная задача психологии, вступившей в третье тысячелетие. Время глобальных концепций в психологии еще не пришло, как об этом говорил полвека назад Карл Густав Юнг. Но для того, чтобы оно приблизилось, необходимы подготовительные шаги»<sup>38</sup>. Автор книги с надеждой пишет: «Возможно, пройдет немного времени и вместо “Колокола разделения” будет востребован какой-нибудь “Соборный колокол” (в смысле соборности сознания С. Н. Трубецкого)»<sup>39</sup>. История развития человеческой мысли показывает, что рано или поздно мечты сбываются, главное, чтоб они были. А они есть... И к ним можно приблизиться через процесс, через поток движения мыслей.

**Ключевые слова:** методология, психе, предмет психологии, структура психики, интеграция, трансцендентальная психология, метафизика

**ՌՈՒԲԵՆ ՆԱԴԴՅԱՆ – Մտորումներ հոգեբանության առարկայի խնդրի շուրջ** – Հոդվածում վերլուծվում է Վ. Ա. Մազիլովի աշխատանքը, որը գրելիս նա օգտվում է փոխաբերություններից, ինչը բնորոշ չէ ակադեմիական հոգեբանությանը: Կատարված վերլուծությունում քննարկվում են հոգեբանության երկակի կառուցվածքի հարցերը, հոգեբանության առարկան, դրա ուսումնասիրման մեթոդները, հոգեբանական իմացության մասնատվածության հարցե-

<sup>38</sup> Там же, с. 178.

<sup>39</sup> Там же.

ըը և դրանց ինտեգրման հնարավորությունները:

Հոդվածում դիտարկվում են նաև տրանսցենդենտալ հոգեբանության՝ իբրև հայեցակարգի հասկանալու հետ կապված հարցեր, ինչը նկարագրում է հոգեկանի բազային, հիմնարար մասը և դրա նկատմամբ ակադեմիական հոգեբանության կողմից «անտարբեր» վերաբերմունքը:

**Բանալի բառեր** – *մեթոդաբանություն, հոգեկան, հոգեբանության առարկա, հոգեբանության կառուցվածք, ինտեգրացիա, տրանսցենդենտալ հոգեբանություն*

**RUBEN NAGDYAN – *Reflections on the Subject of Psychology.*** – The article analyses V.A. Mazilev’s work where he uses metaphors that are not typical for academic psychology. In the analysis, the problems of dual structure of mentality, the subject of psychology, methods of study, questions of fragmentation of psychological knowledge and the possibilities of its integration are discussed.

In the context of this article issues about understanding transcendental psychology as a concept that describes the basic, fundamental part of mentality and “indifferent” attitude of academic psychology towards it are discussed.

**Key words:** *methodology, psyche, subject of psychology, structure of psychology, integration, transcendental psychology*